

18+

Василий Попков

ЗОЛОТО ИМПЕРИИ

Василий Попков

Золото Империи

«Издательские решения»

Попков В.

Золото Империи / В. Попков — «Издательские решения»,

Сибирь, ноябрь 1919-го. Литерный эшелон с золотым запасом империи уходит со станции Тайга и пропадает навсегда. Наши дни. Дайверы поднимают со дна Байкала фрагмент вагона с британским клеймом. Внутри — не слитки, а свинец. Алексей Романов, специалист по историческим расследованиям, берётся за дело. Его ждут банковские шифры, японский след, подземная лаборатория академика Вернадского и открытие, которое перевернёт представление о том, что на самом деле охранял адмирал.

© Попков В.

© Издательские решения

Содержание

Золото Империи	6
Пролог	6
Глава 1. Литерный эшелон	8
Глава 2. Глубина резкости	19
Глава 3. Американский след	29
Глава 4. Протокол X	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Золото Империи

Василий Попков

© Василий Попков, 2026

ISBN 978-5-0070-5425-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Золото Империи

Пролог

Ноябрь 1919 года. Станция Тайга, три часа до рассвета.

Дым от паровоза стелился по перрону так густо, что часовые не видели собственных сапог. В этом молочном мареве тонули звуки: лязг буферов, приглушённая ругань, хруст снега под десятками ног.

Полковник Аркадий Вырубов стоял у хвостового вагона литерного эшелона и смотрел, как заколачивают последний ящик. Номер тридцать седьмой. В описи он значился как «артиллерийские приборы». На самом деле — оплавленные оклады икон, снятых с иконостасов шести церквей Тобольской губернии.

Ящик забили. Грузчики, не поднимая глаз, исчезли в дыму. Остался только телеграфист — мальчишка лет девятнадцати с воспалёнными от бессонницы глазами.

— Ваше высокоблагородие, — телеграфист протянул бланк. — Из Омска. Срочно.

Вырубов развернул бумагу. Шифр был нештатным — цифровые группы из пяти знаков, не из тех, что лежали в сейфе начальника станции. Этот код знали три человека. Вырубов знал его наизусть.

Прочитал. Перечитал ещё раз.

Пальцы онемели, хотя мороз был едва за десять градусов. Дело не в холоде. Дело в том, что телеграмма отменяла всё: маршрут, пункт назначения, получателя. Вместо Владивостока — глухая ветка на север, в сторону Томска. Вместо сдачи золота союзникам — операция «Архивариус».

О существовании операции «Архивариус» полковник узнал только что. Но он знал автора шифра — лично. Адмирал Колчак. А значит, приказ обсуждению не подлежал.

Вырубов поднёс спичку к бланку. Бумага вспыхнула и за пару секунд превратилась в чёрный лепесток, унесённый ветром в сибирскую ночь.

— Ответ будет? — спросил телеграфист.

— Нет.

— Куда перегонять состав?

Полковник повернулся. В свете керосинового фонаря его лицо казалось вырезанным из старого дерева.

— Никуда. Эшелон ляжет на дно Байкала. Сегодня.

Телеграфист моргнул. Он не понял, шутит ли офицер. Вырубов не шутил. Он уже прикидывал вес: сколько вагонов войдёт в полынью, сколько ящиков нужно оставить наверху, чтобы поверили в крушение. И сколько человек из конвоя должны исчезнуть вместе с грузом, потому что умеют читать карту.

— Но позвольте... — начал телеграфист.

— Фамилия?

— Сотников, ваше высокоблагородие.

— Хорошая фамилия, Сотников. — Вырубов достал из кобуры револьвер и взвёл курок. — Но она тебе больше не понадобится.

Выстрела никто не услышал: его поглотил гудок паровоза, уходящего во тьму.

А через два часа эшелон, гружённый не тем, что значилось в описях, и не туда, куда смотрели карты, исчез в сибирском бездорожье. В официальных сводках его назовут «пропавшим без вести при отступлении». В легендах — золотом, утонувшим в Байкале.

Правда была страшнее обеих версий.

И она ждала своего часа сто лет.

Глава 1. Литерный эшелон

Наши дни. Москва

Дождь зарядил с самого утра — мелкий, противный, октябрьский. Он барабанил по карнизу с монотонностью метронома, и от этого звука в висках набухала тупая боль. Алексей Романов сидел в кресле, положив ноги на подоконник, и смотрел сквозь запотевшее стекло на серую громаду Москвы-реки. Город за окном напоминал размытую акварель.

Он не любил Москву. Он вообще не любил большие города — слишком много шума, слишком много лишних глаз. Но последние три года жизнь заставляла его проводить здесь всё больше времени. Архивы, библиотеки, закрытые фонды, редкие встречи с такими же, как он, — охотниками за историей. Вернее, за тем, что от этой истории осталось в виде золота, драгоценностей и ценных бумаг.

На журнальном столике зазвонил телефон. Старая «Нокиа» с треснувшим экраном — никаких смартфонов, никакой геолокации. Романов не двинулся ещё секунд десять, потом лениво протянул руку.

— Да.

— Алексей Дмитриевич? — голос в трубке был сухим, с едва заметной хрипотцой заядлого курильщика. — Моя фамилия Серов. Виктор Петрович. У меня к вам предложение.

Романов поморщился. Серов. Где-то он уже слышал эту фамилию. Кажется, в сводках Интерпола мелькала пару лет назад — то ли отмывание денег, то ли контрабанда антиквариата. Точно он не помнил, но внутренний индикатор уже загорелся оранжевым.

— Я вас слушаю.

— Не по телефону. Давайте встретимся. Сегодня. В четыре. Ресторан «Белый квадрат» на Патриарших. Знаете?

— Допустим

— Буду ждать. И пожалуйста, без опозданий. Дело срочное.

В трубке раздались короткие гудки. Романов отложил телефон и потёр переносицу. Он не любил, когда его вызывали тоном приказа. Он вообще не любил, когда его вызывали. Но интуиция, что не раз спасала его в африканских портах и азиатских трущобах, подсказывала: отказываться не стоит. По крайней мере, пока.

Он поднялся, потянулся, разминая затёкшие плечи, и направился в ванную. Зеркало отразило человека, которому на вид можно было дать и тридцать пять, и пятьдесят. Высокий лоб, глубокие залысины, серые глаза, которые в зависимости от освещения казались то стальными, то почти прозрачными. Тонкий шрам над левой бровью — память о Бейруте. И ещё один, на предплечье, — подарок от сомалийских пиратов. В свои сорок два Романов выглядел как человек, который много видел и мало спал. Что ж, так оно и было.

Он надел тёмно-серый костюм, белую рубашку без галстука, проверил бумажник, где лежали три кредитные карты на разные имена, и вышел из квартиры. Дверь захлопнулась с глухим стуком.

Дождь не прекратился. Он просто стал мельче — превратился в водяную пыль, которая оседала на волосах и одежде, делая всё вокруг влажным и неудобным. Романов поймал такси на набережной и через полчаса уже стоял перед входом в «Белый квадрат». Ресторан был из тех, что открываются в историческом центре, держатся год-два, а потом бесследно исчезают. Дорогой минимализм, белые скатерти, официанты с каменными лицами. Пахло кофе, ванилью и деньгами.

Серова он узнал сразу — тот сидел в дальнем углу, спиной к стене, и просматривал что-то в планшете. Крупный мужчина лет шестидесяти, с массивной челюстью и коротким ёршиком седых волос. Одет дорого, но без претензии: тёмно-синий пиджак, водолазка. На запястье поблёскивал «Патек Филип» — не подделка, Романов разбирался. Перед ним стояла чашка эспresso и стакан воды без газа.

— Присаживайтесь, Алексей Дмитриевич, — Серов кивнул на стул напротив, не поднимаясь. — Кофе? Что-нибудь покрепче?

— Чёрный чай. Без сахара.

Официант материализовался и исчез. Романов устроился на стуле так, чтобы видеть входную дверь — старая привычка. Серов заметил это и усмехнулся.

— Всё верно. Профессиональная паранойя ещё никому не мешала. Я изучил ваше досье. Бывший аналитик Интерпола, отдел по борьбе с хищением культурных ценностей. Уволились в две тысячи двенадцатом. С тех пор — частная практика. Консультируете музеи, аукционные дома, иногда — частных коллекционеров. Специализация: поиск утраченных исторических артефактов. Верно?

— У вас хорошие источники, — сухо ответил Романов.

— У меня хорошие деньги. А хорошие деньги покупают хорошую информацию. Это закон.

Принесли чай. Романов обхватил чашку ладонями, согревая пальцы. Он ждал. Серов, судя по всему, тоже ждал — он изучал собеседника с цепкостью аукциониста, оценивающего лот.

— Вы слышали о золоте Колчака? — спросил он наконец.

Вопрос был настолько банальным, что Романов едва не фыркнул.

— Разумеется. Золотой запас Российской империи, попавший в руки адмирала Колчака в тысяча девятьсот восемнадцатом. Примерно четыреста девяносто тонн золота в слитках и монетах. После разгрома белых часть золота была вывезена во Владивосток и передана японцам в качестве оплаты за оружие. Ещё часть разошлась по сибирским банкам. Судьба осталь-

ного неизвестна. Существует около дюжины версий: от затопления в Байкале до тайного захоронения в районе Тобольска.

Серов кивнул.

— Хорошо. Приятно иметь дело с профессионалом. А теперь скажите: вы в курсе, что три недели назад в районе Кругобайкальской железной дороги было кое-что найдено?

Романов медленно опустил чашку на стол. Он не был в курсе. И это ему не нравилось. Последние месяцы он провёл в Европе, занимаясь поиском картин, украденных нацистами, и несколько выпал из российской повестки.

— Не в курсе.

— Я так и думал. — Серов извлёк из планшета несколько фотографий и протянул их через стол. — Посмотрите.

Романов взял снимки. Подводная съёмка, судя по качеству — профессиональная. Высокое разрешение, хороший свет. На первом снимке был виден скалистый склон, уходящий в тёмную синеву байкальской воды. На втором — что-то металлическое, наполовину занесённое илом. На третьем — вагон. Старый железнодорожный вагон, лежащий на дне. Разорванный пополам, с вывернутыми наружу стенками.

— Это снято два месяца назад, — продолжал Серов. — Группа дайверов из Иркутска исследовала подводный рельеф в районе мыса Половинный. На глубине около четырёхсот метров они наткнулись на этот вагон. Обратили внимание, потому что он слишком тяжёлый для обычного грузового состава. Понимаете?

— Слишком тяжёлый?

— Да. Он буквально вмят в дно, хотя течение в том районе слабое. Они попытались проникнуть внутрь, но не смогли — вагон сильно деформирован, стенки сплющены давлением. Однако им удалось зацепить батискафом фрагмент обшивки. И знаете, что показал анализ металла?

Романов молчал.

— Свинец, — сказал Серов. — И не просто свинец, а специальный сплав, который использовался Британским королевским арсеналом для изготовления контейнеров под боеприпасы. Сплав, который англичане поставляли Белой армии в девятнадцатом году. А теперь вопрос: зачем в вагоне, который якобы вёз золото, находились свинцовые контейнеры британского производства?

Романов смотрел на снимки. Профессиональная часть его мозга уже начала работать, перебирая версии. Свинец — тяжёлый металл. Им можно имитировать вес золота. Если заменить часть золотого груза на свинец, разница в весе будет незаметна при взвешивании вагонов на стационарных весах. Классический трюк. Но зачем? И куда делось само золото?

— Вы понимаете, о чём я думаю, — сказал Серов, внимательно наблюдая за его лицом. — Вагон на дне Байкала — это инсценировка. Кто-то намеренно устроил крушение, чтобы все поверили: золото утонуло. А на самом деле груз был перегружен раньше.

— Это всего лишь гипотеза, — возразил Романов, хотя в душе уже согласился. — Свинцовые контейнеры могли везти и отдельно от золота. Боеприпасы, снаряжение — мало ли что.

— Могли. Но есть ещё кое-что.

Серов достал из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги — старый, пожелтевший, с потрескавшимися краями. Телеграфный бланк. Романов осторожно взял его, стараясь не повредить ветхую бумагу. Текст был напечатан на дореволюционном «Ундервуде» — характерный шрифт с засечками, слегка смазанные литеры. Дата: 12 ноября 1919 года. Отправитель: станция Тайга. Получатель: штаб Верховного главнокомандующего, Омск.

«ВСЛЕДСТВИЕ СНЕЖНЫХ ЗАНОСОВ ЛИТЕРНЫЙ ЭШЕЛОН НОМЕР СЕМНАДЦАТЬ ЗАДЕРЖАН НА СТАНЦИИ ТАЙГА ТЧК ГРУЗ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЁН ТЧК ОЖИДАЮ ДАЛЬНЕЙШИХ РАСПОРЯЖЕНИЙ ТЧК ВЫРУБОВ»

— Вырубов, — произнёс Романов. — Полковник Аркадий Вырубов, начальник охраны золотого эшелона. Считался пропавшим без вести с декабря девятнадцатого.

— Совершенно верно. А теперь взгляните на метеосводку за двенадцатое ноября. Я специально поднял архивы Гидрометеослужбы.

Серов протянул ему ещё один лист — современную распечатку. Романов пробежал глазами столбцы цифр. Температура, давление, осадки... В районе станции Тайга двенадцатого ноября 1919 года осадков не было. Вообще. Ясная погода, температура минус восемь.

Он поднял взгляд на Серова.

— Снежных заносов не было, — сказал Романов. — Телеграмма лжёт.

— Именно. Вырубов намеренно отправил дезинформацию. Он хотел, чтобы в Омске поверили, будто эшелон задержан из-за погоды. А сам в это время занимался перегрузкой. Но куда? И зачем? И главное — куда исчез сам Вырубов вместе с тридцатью семью тоннами золота, которые, согласно описи, находились в том эшелоне?

Романов откинулся на спинку стула. Боль в висках, забытая на время, вернулась с новой силой. Он знал эту историю. Знал все версии, все гипотезы, все легенды. Но сейчас перед ним лежали документы, которые не вписывались ни в одну из них.

— Почему вы обратились ко мне? — спросил он. — В России полно историков, архивистов, поисковиков. Есть целые институты, которые занимаются Гражданской войной.

Серов улыбнулся — холодно, без тени тепла.

— Потому что вы не просто историк, Алексей Дмитриевич. Вы умеете находить то, что не хотят находить другие. И потом, — он сделал паузу, — мне нужен человек, который не

боится нарушать правила. Мне предстоит экспедиция на Байкал. Полноценная, с глубоководным оборудованием, с командой специалистов. Я хочу поднять этот вагон. Но перед этим я хочу понять, что именно мы ищем. И здесь без вас не обойтись.

— Что вы предлагаете?

— Контракт. Вы получаете доступ ко всем материалам, которые мне удалось собрать. Через месяц мы отправляемся на Байкал. Ваша задача — изучить документы, восстановить маршрут эшелона и выяснить, что на самом деле произошло двенадцатого ноября девятнадцатого года. Оплата — двести тысяч долларов. Плюс процент от стоимости находок, если таковые будут.

Сумма была внушительной. Даже слишком. Романов прищурился.

— Процент от стоимости находок? Вы надеетесь найти золото?

— Я надеюсь найти правду, — отрезал Серов. — А правда, как вы знаете, стоит дороже золота.

Он поднялся, давая понять, что разговор окончен.

— Подумайте до завтра. Вот моя визитка. — На стол легла карточка из плотного картона: только имя и номер телефона. — И вот ещё что. — Серов задержался на секунду. — Два месяца назад я нанял другого человека. Хорошего специалиста. Он тоже занимался этим делом. И знаете что? Он пропал. Просто исчез. Телефон молчит, квартира пуста, документы исчезли. Так что будьте осторожны, Алексей Дмитриевич. Эта история не любит, когда в неё лезут.

Он развернулся и вышел, оставив Романова одного за столиком, с фотографиями затонувшего вагона и старой телеграммой в руках.

Через полчаса Романов вышел из ресторана. Дождь кончился, но небо оставалось свинцово-серым, низким, как потолок в подвале. Он медленно пошёл по Патриаршим, обдумывая услышанное.

Серов ему не понравился. Слишком гладкий, слишком уверенный. Такие люди не нанимают аналитиков за двести тысяч долларов ради «поиска правды». За этим стояло что-то ещё. Но что?

Он свернул в тихий переулок и достал телефон. Набрал номер, который помнил наизусть — единственный номер, не записанный в память аппарата.

— Алло? — ответил женский голос.

— Лена, привет. Это Алексей.

— Лёша? — В голосе прозвучало удивление. — Ты в Москве?

— Проездом. Слушай, мне нужна информация. Всё, что есть по Виктору Петровичу Серову. Бизнесмен, кажется, из бывших силовиков. И ещё — подними архивы Интерпола за

последние два месяца. Меня интересуют исчезновения людей, связанных с поиском исторических ценностей на территории России.

На том конце провода возникла пауза.

— Ты опять во что-то ввязался?

— Пока не знаю. Но хочу проверить.

— Хорошо. Скину, что найду. Но будь осторожен. Если этот Серов — из тех, о ком я думаю, то лучше держаться от него подальше.

— Спасибо. Я позвоню.

Он убрал телефон и остановился перед витриной книжного магазина. Стекло отразило его лицо — сосредоточенное, хмурое. Где-то в глубине сознания уже зажёгся знакомый огонёк. Огонёк азарта, что заставлял его годами рыться в архивах, расшифровывать старые коды, сопоставлять нестыковки. Загадка золота Колчака была одной из тех, что не давали ему покоя ещё со студенческих лет. И вот теперь она сама пришла к нему в руки.

Но что-то было не так.

Он вернулся к мысли о телеграмме. Вырубов отправил её в Омск. В Омске находился штаб Колчака. Значит, Верховный правитель лично контролировал перемещение эшелона. Но зачем? Золото было нужно для оплаты поставок — это знали все. Если эшелон задержался, если груз был перераспределён, значит, изменился и план поставок. А если изменился план, значит, изменился и получатель.

Кто мог получить тридцать семь тонн золота в ноябре 1919 года?

Романов мысленно перебрал исторический контекст. Ноябрь девятнадцатого — это время, когда Белая армия уже потеряла инициативу. Фронт трещал по швам, красные наступали. Союзники — англичане, французы, американцы, японцы — вели двойную игру. Каждый из них был готов в любой момент отказаться от поддержки Колчака, если это станет невыгодным. И золото было единственным козырем адмирала. Единственной гарантией того, что оружие и боеприпасы продолжают поступать.

Но что, если Колчак решил использовать золото иначе? Не на закупку оружия, а на что-то другое. Что-то, ради чего стоило инсценировать крушение эшелона и спрятать груз на дне Байкала.

Ответа не было. Пока.

Он вернулся домой около семи вечера. Зажёг свет, скинул пиджак, достал из холодильника бутылку минералки. Потом устроился за рабочим столом — большим дубовым монстром, заваленным книгами, распечатками и картами. Это был его алтарь, его убежище. Здесь он проводил долгие ночи, восстанавливая по крупицам забытые истории.

Телеграмма лежала перед ним. Он ещё раз внимательно изучил её. Бумага подлинная — это он определил сразу. Чернила, шрифт, способ печати — всё соответствовало эпохе. Но главное было не в этом.

Он достал лупу и склонился над текстом. Телеграфисты начала века часто использовали определённые шаблоны, стандартные формулировки. Но здесь было что-то лишнее. Слово «перераспределён». В обычной телеграмме Вырубов написал бы «груз перегружен» или «груз перемещён». «Перераспределён» — это бюрократический термин, который использовался в закрытой переписке между штабом Колчака и Министерством финансов. Человек, не знакомый с этой спецификой, не обратил бы внимания. Но Романов знал.

Вырубов подавал сигнал. Он хотел, чтобы адресат понял: речь идёт не о технической задержке, а о выполнении секретного приказа.

Но какого?

Романов отодвинул телеграмму и взялся за метеосводку. Здесь всё было ясно: снежных заносов не было. Вырубов лгал. Но лгал он не кому-то, а собственному командованию. В Омске должны были поверить, что эшелон стоит на станции Тайга. А в это время вагоны двигались в другом направлении.

Куда?

Он встал и подошёл к книжному шкафу. Пальцы пробежались по корешкам — старые издания по истории Гражданской войны, мемуары белых офицеров, сборники документов. Он нашёл то, что искал: толстый том в коричневом переплёте. «Железные дороги Сибири в 1918—1920 годах». Карта железнодорожных путей того времени.

От станции Тайга отходили две ветки. Одна — на восток, к Байкалу. Вторая — на север, в сторону Томска и дальше, к низовьям Оби. Если эшелон не пошёл к Байкалу, значит...

Он замер. Северная ветка. Томск, Нарым, Обская губа. Глухие места, минимум населения, отсутствие телеграфной связи. Идеальное место для того, чтобы спрятать что угодно. Но зачем везти золото на север? Там не было ни союзников, ни портов. Там вообще ничего не было.

Кроме одного.

Он вспомнил старую статью, которую читал лет десять назад. В 1919 году в Томске находилась группа учёных, эвакуированных из Петрограда. Химики, физики, геологи. Они работали над каким-то секретным проектом, связанным с урановыми рудами. Статья была туманной, полной недомолвок, но в ней упоминался академик Вернадский, который в это время активно занимался поиском радиоактивных материалов.

Неужели золото было связано с этим?

Он потряс головой. Рано. Слишком рано строить гипотезы. Нужны факты.

Телефон зазвонил снова. На этот раз номер был незнакомым.

— Алексей Дмитриевич? — Голос был молодым, женским, с лёгким сибирским акцентом. — Меня зовут Анна Томилина. Я знаю, что вы встречались с Серовым.

Романов напрягся.

— Откуда вы знаете?

— Это не важно. Важно другое: не верьте ему. Серов опасен. Он уже погубил моего отца.

— Вашего отца?

— Александра Томилина. Может, слышали. Он был историком, искал золото Колчака. Двадцать лет назад. Серов нанял его, а потом мой отец пропал. Я нашла вас, потому что вы — следующий.

В трубке повисла тишина. Романов смотрел на тёмное окно, за которым мигали огни ночной Москвы. Интуиция, молчавшая весь день, вдруг заорала во весь голос.

— Нам нужно встретиться, — сказал он.

— Да. Завтра. В одиннадцать. Новосибирск, Академгородок. Я пришлю адрес.

И она повесила трубку.

Романов медленно опустил телефон на стол. Голова гудела. Слишком много информации за один день. Слишком много неизвестных. Серов. Вырубов. Телеграмма. Анна Томилина. И где-то там, на дне Байкала, разорванный пополам вагон, в котором вместо золота — свинцовые контейнеры с британским клеймом.

Он достал из ящика стола чистый блокнот и стал записывать. Он всегда так делал, когда информация начинала путаться в голове. Бумага помогала структурировать мысли.

Факт первый: эшелон номер семнадцать задержан на станции Тайга 12 ноября 1919 года.

Факт второй: задержка была инсценировкой. Снежных заносов не было.

Факт третий: вагон с эшелона найден на дне Байкала. Внутри — свинец, а не золото.

Факт четвёртый: полковник Вырубов, начальник охраны, пропал без вести. Телеграмма содержит скрытый сигнал.

Факт пятый: Серов знает больше, чем говорит. Он опасен.

Факт шестой: Анна Томилина утверждает, что Серов причастен к исчезновению её отца.

Он перечитал список. Стройной картины не складывалось. Не хватало деталей.

Он заварил крепкий чай, вернулся за стол и открыл ноутбук. Пора было поднимать архивы.

Первым делом он вбил в поиск: «Александр Томилин историк золото Колчака». Результаты появились сразу. Несколько статей в региональных изданиях, упоминание в академическом сборнике, некролог. Дата смерти: 2004 год. Причина: несчастный случай во время экспедиции на Байкале. Тело не найдено.

Романов углубился в чтение. Александр Томилин был уважаемым специалистом, автором нескольких монографий по истории Белого движения. В начале двухтысячных он возглавил частную экспедицию по поиску золотого запаса. Спонсором выступал некий «Фонд исторического наследия». Романов проверил фонд — он был ликвидирован в 2005 году. Учредители: подставные лица, офшоры.

След вёл в никуда.

Он переключился на Серова. Здесь информации было больше — в основном, светская хроника. Бизнесмен, меценат, владелец нескольких промышленных предприятий. В прошлом — генерал-майор, служба в ФСБ, увольнение в запас в 2010 году. Ни одного скандала, ни одного уголовного дела. Слишком чисто.

Романов знал: такая чистота не бывает случайной. Кто-то тщательно подчистил биографию Серова.

Он проверил базы Интерпола. Глухо. Серов не фигурировал ни в одном расследовании. Но на всякий случай Романов отправил запрос старому знакомому в Лионе — пусть посмотрят неофициально.

Оставалась телеграмма.

Он достал её из конверта и ещё раз внимательно осмотрел. Кроме основного текста, на бланке были служебные пометки — номера, штампы. Один из штампов привлёк его внимание. Он был смазан, но часть символов читалась: «...ическая комиссия».

Петрографическая? Географическая? Гидрографическая?

Он увеличил изображение с помощью сканера. Штамп был овальным, с двуглавым орлом в центре. «Геологическая комиссия при Верховном главнокомандующем».

Геологическая комиссия.

Внутри у него что-то ёкнуло. Геологическая комиссия при штабе Колчака действительно существовала — она занималась разведкой полезных ископаемых на территории, контролируемой белыми. Но какое отношение она имела к золотому эшелону?

Он быстро набрал в поиске: «Геологическая комиссия Колчака 1919». Результатов было мало. Пара архивных справок, упоминание в мемуарах какого-то инженера. И вдруг — ссылка на закрытый фонд Российской академии наук.

Фонд 342. Опись 7. Дело 112.

Заголовок: «Об организации секретной экспедиции в район Подкаменной Тунгуски».

Романов застыл. Подкаменная Тунгуска. 1908 год. Тунгусский феномен. Но какое отношение метеорит имел к золоту Колчака?

Он кликнул по ссылке. Доступ был закрыт.

— Чёрт, — выругался он. Нужны были специальные разрешения.

Он глянул на часы. Полночь. Работа в архивах требует времени, а времени у него было мало. Завтра самолёт в Новосибирск.

Он встал, прошёлся по комнате. Мысли скакали, как бешеные. Золотой эшелон. Фальшивое крушение. Свинцовые контейнеры. Геологическая комиссия. Тунгуска. Всё это должно быть связано.

Но как?

Он вернулся к столу и взял чистый лист бумаги. В центре написал: «Эшелон №17». Вокруг начал рисовать стрелки.

Станция Тайга;???

Золото;???

Вырубов;???

Геологическая комиссия; Подкаменная Тунгуска;???

Он поставил вопросительные знаки и отложил ручку. Пока что вопросов было больше, чем ответов. Но одно он знал точно: Серов охотится не за золотом. Золото — это приманка, ширма. Настоящая цель — что-то другое.

И ещё он знал: Анна Томилина — ключ. Дочь пропавшего историка. Она должна знать то, чего не знает Серов.

Он поднялся, налил себе виски — впервые за вечер. Сделал глоток. Потом ещё один.

Завтра он вылетит в Новосибирск. Завтра он встретится с Анной Томилиной. Завтра он начнёт распутывать этот клубок.

А сегодня оставалось только ждать. И думать.

Где-то там, на дне Байкала, лежал вагон со свинцом. А где-то в архивах лежала правда, которая ждала своего часа уже сто лет.

И он её найдёт.

Романов проснулся от того, что телефон вибрировал на прикроватной тумбочке. Он глянул на экран: сообщение от Лены.

«СЕРОВ В. П. ПОДОЗРЕВАЕТСЯ В НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ РАДИОАКТИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ. 2017 ГОД. ДЕЛО ЗАКРЫТО. БУДЬ ОСТОРОЖЕН»

Он перечитал сообщение дважды. Радиоактивные материалы. Значит, его догадка о связи с геологической комиссией была верна.

Он оделся, собрал сумку, проверил документы. Самолёт вылетал через три часа.

Перед выходом он задержался у книжного шкафа. С верхней полки достал старый, потрепанный томик в мягкой обложке. Мемуары неизвестного офицера, изданные в Париже в 1932 году. Он купил эту книгу десять лет назад на блошином рынке в Ницце. На одной из страниц была пометка, сделанная карандашом — почти стёртая, едва заметная. Всего одна фраза, подчёркнутая неизвестным читателем.

«Золото пошло на север. Никто не знает зачем. Но адмирал сказал: это спасёт Россию».

Он сунул книгу в сумку и вышел.

Москва провожала его дождём.

Глава 2. Глубина резкости

Новосибирск — Иркутск — озеро Байкал

Академгородок встретил Романова сухим морозным утром. Сосны стояли в инее, как седые часовые, и воздух был таким прозрачным, что казалось — его можно пить. Он вышел из такси у неприметного здания на улице Терешковой и сверился с адресом. Институт лимнологии. Место, которое меньше всего ассоциируется с золотым запасом Российской империи.

Анна Томилина ждала его в вестибюле — высокая женщина лет тридцати с коротко стриженными тёмными волосами и взглядом, который не обещал ничего хорошего. Она была одета в рабочий комбинезон, накинутый поверх термобелья, и держала в руках планшет с какими-то схемами.

— Вы пунктуальны, — сказала она вместо приветствия. — Это хорошо. На Байкале пунктуальность — вопрос жизни и смерти.

— Вы говорили о Серове, — напомнил Романов.

— Позже. Сначала я хочу вам кое-что показать. Идёмте.

Она развернулась и зашагала по коридору, не оглядываясь. Романов последовал за ней, отмечая про себя детали: уверенная походка, профессиональная осанка, мозоли на пальцах — такие бывают у альпинистов или дайверов. Женщина явно знала своё дело.

Они прошли через лабораторию, заставленную аквариумами с байкальскими губками и боклопавами, потом спустились на цокольный этаж. Здесь пахло озоном и машинным маслом. Анна толкнула тяжёлую дверь и пропустила его вперёд.

Это был ангар. Небольшой, но хорошо оборудованный. В центре возвышался глубоководный батискаф — трёхместный аппарат, выкрашенный в ярко-оранжевый цвет. Его манипуляторы были сложены, как лапы гигантского краба, а иллюминаторы из толстого акрила поблёскивали в свете люминесцентных ламп.

— «Мираж-3000», — пояснила Анна. — Рабочая глубина до трёх тысяч метров. Автономность — двое суток. Мы используем его для изучения донных отложений. Но последние две недели работаем по частному контракту. Контракт с Серовым.

Романов обошёл батискаф, разглядывая его.

— Вы работаете на Серова?

— Вынужденно. Он финансирует экспедицию. Моя лаборатория зависит от грантов, а гранты в последнее время... скажем так, нерегулярны. Когда Серов предложил контракт, я согласилась. Тогда я ещё не знала, кто он такой.

— А теперь знаете?

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Теперь знаю. И жалею, что согласилась. Но обратного хода нет. — Она коснулась борта батискафа, и в этом жесте было что-то почти нежное. — Через три дня мы вылетаем на Байкал. Серов хочет, чтобы вы участвовали в погружении. Он считает, что ваш опыт аналитика поможет на месте.

— Мой опыт аналитика не имеет отношения к подводным работам.

— Это не важно. Серов хочет, чтобы вы были там. И я хочу, чтобы вы были там. Потому что когда вы увидите то, что лежит на дне, вы поймёте: Серову нельзя доверять. Он скрывает что-то важное.

— Что именно?

— Я не знаю. Но знаю, что двадцать лет назад мой отец тоже искал золото Колчака. И тоже работал на Серова. А потом исчез. Тело не нашли. Дело закрыли как несчастный случай. Но я не верю в несчастные случаи. Особенно когда речь идёт о моём отце.

Она достала из нагрудного кармана сложенный лист бумаги и протянула Романову. Это была ксерокопия старой фотографии. Двое мужчин стояли на фоне какого-то ангара — один постарше, с бородой и в очках, второй моложе, с армейской выправкой.

— Слева — мой отец, Александр Томилин. Справа — Виктор Серов. Это снято в 2003 году, за месяц до того, как отец пропал.

Романов всмотрелся в лицо Серова. Моложе, жёстче, без седины, но те же глаза — холодные, оценивающие, ничего не упускающие.

— Я хочу знать правду, — сказала Анна. — И вы, кажется, тоже. Поэтому давайте работать вместе. У меня есть батискаф и знание акватории. У вас — опыт расследований. Может быть, вместе мы доберёмся до истины.

— А Серов?

— Серов думает, что я на его стороне. Пусть пока так и думает.

Три дня пролетели как один. Романов погрузился в изучение документов, которые Анна смогла добыть из архивов отца. Там были карты байкальского дна, схемы течений, отчёты о погружениях. И среди всего этого — обрывок какого-то дневника, написанный нервным, прыгающим почерком.

«...эшелон не дошел до Байкала. Это точно. Но то, что лежит на дне — не просто приманка. Это послание. Тот, кто поймёт его, найдёт настоящий груз. Но нужно спешить. Он знает, что я ищу. Он следит за мной...»

На этом запись обрывалась.

Романов перечитал её несколько раз. «Он знает, что я ищу». Кто — «он»? Серов? Или кто-то ещё? И что значит «послание»?

Он попытался найти логику. Если вагон на дне — инсценировка, то зачем было оставлять в нём что-то, что можно опознать? Свинцовые чушки с британским клеймом — это улика, указывающая на участие англичан в поставках. Но зачем? Чтобы обвинить союзников в краже золота? Или чтобы указать на что-то ещё?

И главное — почему вагон вообще оказался на дне? Если груз был перегружен за два часа до крушения, значит, крушение было частью плана. Но кто мог организовать крушение поезда на Кругобайкальской дороге? И зачем?

Ответов не было.

Четвёртого ноября они вылетели в Иркутск. Серов уже ждал их там — он прибыл на день раньше со своей командой. Команда состояла из шести человек: двух охранников, механика, оператора глубоководного оборудования, врача и повара. Все как на подбор — молчаливые, профессиональные, с бегающими глазами. Романову они не понравились с первого взгляда.

База экспедиции располагалась на берегу залива Лиственничный, в двадцати километрах от посёлка Листвянка. Здесь, на берегу, уже стоял мобильный командный центр — несколько вагончиков, соединённых переходами, дизель-генератор, спутниковая антенна. И отдельно, на специальной платформе, — батискаф «Мираж-3000», доставленный сюда на грузовике.

Байкал дышал холодом. Вода была чёрной, как нефть, и такой прозрачной, что с берега можно было разглядеть камни на глубине десяти метров. Но там, где предстояло погружение, глубина была в сорок раз больше.

— Завтра утром, — сказал Серов, когда они собрались в штабном вагончике. — Погружение в восемь ноль-ноль. Состав: Романов, Томилина, я. Цель: проникновение в вагон, визуальный осмотр, забор образцов. Вопросы?

— Почему вы лично идёте? — спросил Романов.

Серов усмехнулся.

— Потому что я плачу за эту экспедицию. И хочу видеть всё своими глазами. Или вы думаете, я доверю такое дело наёмникам?

Романов промолчал. Ему не нравилась идея находиться в замкнутом пространстве батискафа вместе с Серовым. Но выбора не было.

Утро началось с густого тумана. Он стелился над водой, как вата, и заглушал все звуки. Батискаф покачивался на волнах у пирса, готовый к погружению. Анна провела последний инструктаж — сухо, чётко, без лишних эмоций.

— Глубина четыреста двенадцать метров. Температура воды — плюс четыре градуса. Давление — сорок одна атмосфера. Время погружения — около двадцати минут. Время на объекте — не более двух часов. При малейших признаках неисправности — немедленное всплытие. Вопросы?

Вопросов не было.

Они заняли места в тесной сфере батискафа. Анна — за штурвалом, Романов и Серов — у иллюминаторов. Люк задраили, и аппарат мягко отвалил от пирса.

Первые минуты погружения были почти безмолвными. Слышалось только шипение кислородной системы да редкие потрескивания корпуса. За иллюминатором проплывали зеленоватые толщи воды, пронизанные лучами утреннего солнца. Потом свет начал меркнуть.

На ста метрах вода стала синей. На двухстах — тёмно-синей, почти чёрной. На трёхстах включились прожекторы, и их лучи выхватили из мрака бесконечный дождь из планктона — миллионы крошечных существ, дрейфующих в вечной ночи.

— Красиво, — прошептал Романов.

— Красиво, — согласилась Анна. — И смертельно опасно. На такой глубине любая ошибка — последняя.

Батискаф продолжал опускаться. Скалистый склон, уходящий в бездну, становился всё ближе. Анна работала манипуляторами, корректируя курс.

— До дна сто метров, — объявила она. — Включаю гидролокатор.

На экране появились очертания объекта. Вагон лежал на склоне, носовой частью вниз, под углом примерно тридцать градусов. Корпус был разорван пополам — словно гигантская рука переломила его, как сухую ветку. Металлические листы обшивки торчали во все стороны, некоторые были отброшены взрывом на десятки метров.

— Видите следы на корпусе? — спросила Анна. — Это не деформация от удара о дно. Это направленный взрыв. Кто-то заложил заряды под днище.

— Сапёры? — предположил Романов.

— Возможно. Но посмотрите сюда. — Она указала на экран, где крупным планом был виден фрагмент обшивки. — Видите ровный разрез? Это резали автогеном. Заряды подорвали вагон, но перед этим кто-то разрезал несущие балки. Чтобы гарантировать разрушение.

Серов молчал, вглядываясь в темноту за иллюминатором. Его лицо было непроницаемым.

Батискаф приблизился к вагону. Анна включила дополнительные прожекторы, и картина стала ещё более зловещей. Разорванный вагон напоминал скелет доисторического чудовища. Вокруг него, на илистом дне, были разбросаны какие-то предметы — ящики, бочки, фрагменты деревянной обшивки.

— Начинаю облёт, — сказала Анна. — Ищем точку проникновения.

Батискаф медленно обогнул вагон. Прожекторы выхватывали всё новые детали: колёсные тележки, отброшенные взрывом; фрагменты крыши, сплюснутые давлением; свёрнутый в спираль рельс. И повсюду — россыпи свинцовых чушек.

— Боже мой, — выдохнул Романов. — Их здесь десятки.

— Сотни, — поправила Анна. — Мы насчитали больше трёхсот. Если это всё — свинец, то общий вес груза примерно соответствует весу золота, заявленного в описи. Тридцать тонн. Плюс-минус.

Серов подался вперёд, вглядываясь в иллюминатор.

— Золота нет?

— Нет. Мы уже сканировали вагон георадаром. Металл есть, но это не золото. Свинец и сталь. Никаких драгоценных металлов.

— Значит, версия о том, что груз был заменён, подтверждается.

— Подтверждается. Но есть кое-что ещё.

Она развернула батискаф и направила его к разрыву в корпусе. Зияющая дыра вела внутрь вагона. Лучи прожекторов выхватили хаос из искореженного металла и обломков.

— Смотрите, — сказала Анна. — В левом углу.

Романов прильнул к иллюминатору. Среди груды свинцовых чушек, наполовину занесённых илом, лежало что-то, что не было ни металлом, ни деревом. Что-то, что когда-то было человеком.

Тело сохранилось неестественно хорошо. Холодная байкальская вода, бедная кислородом, законсервировала его, превратив в подобие восковой фигуры. Оно лежало лицом вниз, придавленное свинцовой чушкой. Одежда — остатки полушубка — истлела, но ещё держалась на костях. На голове сохранилась шапка-ушанка с кокардой. А рядом с телом, наполовину зарывшись в ил, лежал какой-то аппарат.

— Что это? — спросил Серов.

— Похоже на радиостанцию, — ответила Анна. — Мы заметили его ещё в первое погружение, но не смогли поднять. Манипуляторы не справляются с таким весом. Тело буквально вмёрзло в свинец.

Романов смотрел на мёртвого человека, и в его голове крутилась одна мысль. Кто он? Солдат конвоя? Случайная жертва? Или что-то другое?

— Нужно поднять тело, — сказал он.

— Это невозможно, — возразила Анна. — Оно слишком хрупкое. При подъёме оно рассыплется.

— Тогда нужно поднять хотя бы аппарат. Это может быть ключевой уликой.

— Согласен, — неожиданно поддержал его Серов. — Томилина, можете зацепить тросом?

Анна помолчала, оценивая ситуацию.

— Попробую. Но это рискованно. Если аппарат зацепится за что-то, мы можем повредить батискаф.

— Риск оправдан, — отрезал Серов. — Работайте.

Анна переключилась на управление манипуляторами. Стальные руки батискафа ожили и потянулись к телу. Одна из них осторожно отвела в сторону свинцовую чушку, вторая подцепила аппарат. Это действительно была радиостанция — громоздкий ящик с катушками, лампами и набором переключателей. И она была в удивительно хорошем состоянии.

— Есть! — сказала Анна. — Поднимаю.

Манипулятор медленно извлёк аппарат из ила и перенёс его в корзину для образцов, закреплённую на корпусе батискафа. Романов не отрываясь смотрел на мёртвого связиста. Теперь, когда радиостанция была убрана, стала видна ещё одна деталь: на груди у трупа висел металлический жетон. Такой же, какие носили солдаты всех армий мира. Но форма жетона была необычной — не круглой и не овальной, а ромбовидной.

— Сфотографируйте жетон, — попросил он Анну.

Камера батискафа сделала несколько снимков с максимальным увеличением. На жетоне читался номер и какие-то буквы. Но разобрать их было невозможно — слишком много ила.

— Ладно, — сказал Серов. — Сделайте ещё общий облёт. Нужно зафиксировать всё, что здесь есть. Потом всплываем.

Они провели у вагона ещё около часа. Анна снимала на видео каждую деталь, каждый фрагмент груза, каждую царапину на металле. Романов делал заметки в блокноте — на такой глубине электроника работала с перебоями, и старый добрый карандаш оказался надёжнее планшета.

Наконец, когда запас кислорода начал подходить к концу, Анна скомандовала всплытие. Батискаф оторвался от дна и начал медленный подъём. За иллюминатором снова поплыли толщи воды — на этот раз светлеющие, от чёрного к синему, от синего к зелёному.

Когда они вышли на поверхность, солнце уже поднялось высоко над горами. Байкал сверкал, как расплавленное серебро. И только груз в корзине для образцов напоминал о том, что скрывается на глубине.

На берегу радиостанцию сразу же перенесли в лабораторный вагончик. Анна, надев перчатки, осторожно очистила её от ила и водорослей. Аппарат был изготовлен из стали и латуни, с элементами из эбонита. На передней панели сохранилась табличка с маркировкой.

— «Wireless Telegraph Apparatus. Type F-12. Manufactured by General Electric Co., Philadelphia, 1918», — прочитал Романов. — Беспроволочный телеграфный аппарат. Тип F-12. Произведён компанией «Дженерал Электрик», Филадельфия, 1918 год.

Серов, стоявший в дверях, присвистнул.

— Американское оборудование? Откуда оно у связиста Колчака?

— Вот именно, — сказал Романов. — Это нестандартное оборудование. Белая армия использовала в основном французские и английские радиостанции. Американские были редкостью. Особенно такой модели. Это специализированный аппарат для дальней связи.

— Для связи с кем?

— Вот это и есть главный вопрос.

Анна тем временем продолжала осмотр. Она осторожно вскрыла корпус радиостанции и заглянула внутрь. Лампы, провода, катушки — всё было на месте. Но внимание Романова привлекла одна деталь: на внутренней стороне крышки был выцарапан какой-то текст.

— Посмотрите, — сказал он, указывая на царапины. — Это буквы.

Анна поднесла лампу ближе. Царапины были неровными, явно сделанными второпях, но читались вполне отчётливо.

«ПРОТОКОЛ X. КАРСКОЕ МОРЕ. ЛЕДОКОЛ КАНАДА»

— Протокол X, — повторил Романов. — Карское море. Ледокол «Канада».

В вагончике повисла тишина.

— Что за «Протокол X»? — спросил Романов.

— Не знаю. Но это уже второй раз, когда он всплывает. В документах моего отца тоже было упоминание «Протокола X». Он считал, что это какой-то секретный план.

— Какой план?

— Не знаю.

Романов смотрел на радиостанцию, и в его голове складывалась картина. Если связист с американским оборудованием находился в поезде, который якобы вёз золото, значит, он обеспечивал связь с кем-то, кто находился далеко. Очень далеко. Возможно, с ледоколом «Канада», который упомянут в надписи.

— Ледокол «Канада», — задумчиво произнесла Анна. — Я слышала это название. Это был канадский ледокол, который использовался для проводки судов в арктических водах. Но какое отношение он имеет к золоту Колчака?

— Возможно, самое прямое. Если груз был перегружен за два часа до крушения, значит, настоящий маршрут был другим. И шёл он не через Байкал, а куда-то ещё. Возможно, на север.

Серов шагнул вперёд и взял в руки кусок свинцовой чушки, принесённый с погружения. Он повертел его в пальцах, изучая маркировку.

— «Британский королевский арсенал», — прочитал он. — Англичане поставляли Белой армии не только оружие, но и материалы. И эти материалы кто-то использовал, чтобы создать фальшивый груз. — Он поднял взгляд на Романова. — Вы понимаете, что это значит?

— Понимаю. Это значит, что инсценировка была подготовлена заранее. Кто-то знал, что эшелон будет взорван, и подготовил замену груза. Свинцовые чушки были специально утяжелены, чтобы имитировать вес золота. И тот, кто это сделал, имел доступ к британским поставкам.

— И американскому оборудованию, — добавила Анна. — Связист был, скорее всего, американцем. Или работал на американцев.

— Или на кого-то, кто имел доступ к американскому оборудованию.

Романов отошёл к окну и уставился на сверкающую гладь Байкала. Всё это время он думал о другом. О человеке, который лежал в вагоне. Почему он остался там? Почему не покинул эшелон вместе с остальными?

— Есть ещё один вариант, — сказал он медленно. — Возможно, связист не должен был остаться в вагоне. Возможно, его убили.

Анна вздрогнула.

— Зачем?

— Потому что он знал слишком много. Потому что он обеспечивал связь между теми, кто организовал операцию, и теми, кто её выполнял. И когда операция была завершена, он стал опасным свидетелем. Его убили и оставили в вагоне, чтобы он исчез вместе с фальшивым грузом.

Серов посмотрел на него с интересом.

— Логично. Но это значит, что операция была гораздо масштабнее, чем мы думали. В ней участвовали не только русские, но и иностранцы. И у них были свои интересы.

— Какие интересы?

— Вот это нам и предстоит выяснить.

Вечером они снова собрались в штабном вагончике. На столе лежали фотографии, распечатки, карты. Анна разложила их в хронологическом порядке.

— Итак, что мы имеем, — начала она. — Факт первый: двенадцатого ноября 1919 года литературный эшелон номер семнадцать был задержан на станции Тайга. Согласно официальной версии — из-за снежных заносов. Но метеосводка опровергает это.

— Факт второй, — продолжил Романов. — В тот же день груз был перераспределён. Часть вагонов, включая тот, что мы нашли, была отправлена в сторону Байкала с фальшивым грузом. Настоящий груз ушёл в другом направлении.

— Факт третий, — добавила Анна. — Вагон, найденный на дне, был взорван. Но перед этим его специально подготовили: разрезали несущие балки и заложили заряды. Это была спланированная операция.

— Факт четвёртый: в вагоне находился связист с американским оборудованием. Он был убит и оставлен там. В его радиостанции обнаружена надпись с упоминанием «Протокола X», Карского моря и ледокола «Канада».

— И факт пятый, — закончил Серов. — Вся эта операция была проведена с ведома и, вероятно, по приказу высшего командования Белой армии. Иначе полковник Вырубов не стал бы отправлять дезинформацию в Омск.

Романов кивнул.

— Теперь вопрос: зачем? Зачем было устраивать такую сложную инсценировку? И куда ушёл настоящий груз?

Ответа не было. Но Романов чувствовал, что разгадка где-то рядом. Она пряталась в старых документах, в обрывках дневников, в цифрах и кодах. И он знал, с чего начать.

— Мне нужен доступ к архивам, — сказал он. — Я должен найти всё, что связано с ледоколом «Канада» и «Протоколом X». Это — ниточка, за которую можно потянуть.

— У меня есть кое-что, — неожиданно сказала Анна. Она порылась в сумке и достала ещё одну папку. — Я нашла это в вещах отца. Не знаю, имеет ли это отношение к делу, но...

Она раскрыла папку. Внутри лежали копии каких-то банковских документов. На бланках значилось: «Guaranty Trust Company of New York».

— «Гаранти Траст», — прочитал Романов. — Американский банк, который обслуживал финансовые операции Антанты во время Первой мировой. Если эти документы связаны с нашим делом, значит, в операции участвовали не только военные, но и финансисты.

— Но что банк делал в Сибири? — спросила Анна.

— Хороший вопрос. Очень хороший.

Он взял документы и начал просматривать их. Цифры, подписи, печати. Обычная банковская рутина. Но одна строка привлекла его внимание.

«Счёт номер 342—19. Получатель: Imperial Russian Gold Reserve Fund. Сумма: 500 000 фунтов стерлингов. Назначение: оплата транспортных услуг по маршруту Омск — Карское море».

— Омск — Карское море, — прошептал он. — Вот оно. Золото действительно шло на север. И кто-то платил за его транспортировку через американский банк.

Он поднял взгляд на Серова. Тот сидел неподвижно, и в его глазах горел странный огонь.

— Мы на верном пути, — сказал Серов. — Продолжайте. Я хочу знать всё.

И в этот момент Романов понял: Серов не просто хочет знать. Он охотится за чем-то конкретным. И это «что-то» — не золото.

Но что тогда?

Ответ ждал его в архивах. И он собирался его найти.

Ночью, когда все разошлись по вагончикам, Романов сидел у себя и перебирал документы. Он не мог уснуть. Мысли крутились в голове, как заевшая пластинка.

Связист с американским оборудованием. «Протокол Х». Карское море. Ледокол «Канада». Банк «Гаранти Траст». Всё это складывалось в картину, которая была гораздо больше, чем просто кража золота. Это была международная операция, в которой участвовали военные, финансисты и, возможно, правительства нескольких стран.

Но что они прятали? И почему это до сих пор остаётся тайной?

Он достал из сумки старый томик мемуаров, который привёз из Москвы. Фраза, подчеркнутая карандашом, не давала покоя: «Золото пошло на север. Никто не знает зачем. Но адмирал сказал: это спасёт Россию».

Спасти Россию. Что могло спасти Россию в 1919 году? Оружие? Деньги? Технологии?

Или что-то ещё?

Он захлопнул книгу и потёр глаза. Ответ был где-то рядом. Он чувствовал его.

Завтра нужно было ехать в Новосибирск. К профессору Сигалу. Если кто-то и мог расшифровать «Протокол Х», то только он.

Романов лёг на койку и закрыл глаза. Перед его внутренним взором снова возник разорванный вагон на дне Байкала. И мёртвый связист, который сто лет хранил свою тайну.

Тайну, которую теперь предстояло раскрыть ему.

Глава 3. Американский след Байкал — Иркутск — Новосибирск

Утро началось с новостей, которые Романов предпочёл бы не получать.

Он стоял на берегу, глядя на спокойную гладь Байкала, когда к нему подошла Анна. В руке она держала планшет, и выражение её лица не предвещало ничего хорошего.

— Я провела ночь за изучением жетона, — сказала она. — Того, что был на теле связиста. Удалось очистить снимки и прочитать номер.

— И?

— Я отправила запрос в базу данных Интерпола. Через ваши старые контакты. — Она помедлила. — Жетон принадлежал сотруднику компании «Guaranty Trust Company of New York». Это был не военный связист, Алексей. Это был банковский клерк.

Романов медленно повернулся к ней.

— Банковский клерк? В эшелоне с фальшивым золотом?

— Да. И не просто клерк. Я нашла его имя. Эдвард Джеймс Холлоран, тридцать два года, сотрудник отдела международных переводов. Прибыл во Владивосток в сентябре 1918 года в составе миссии Американского Красного Креста. Но в списках Красного Креста его нет. Он числился как «технический специалист» при штабе генерала Грейвса.

— Грейвс, — повторил Романов. — Командующий американским экспедиционным корпусом в Сибири.

— Именно. И вот что интересно: Холлоран исчез из всех документов в ноябре 1919 года. Никаких записей о его отъезде, никаких отчётов. Просто перестал существовать. До сегодняшнего дня.

Романов потёр подбородок. Американский банковский клерк, работавший под прикрытием миссии Красного Креста и прикомандированный к штабу американского экспедиционного корпуса. И он оказался в поезде, который якобы вёз золото Колчака. С радиостанцией, способной поддерживать связь на огромных расстояниях.

— Что ещё ты узнала?

— Немного. Но я нашла упоминание о нём в мемуарах одного из офицеров Грейвса. — Анна открыла файл на планшете. — Цитирую: «Холлоран отвечал за зашифрованную переписку с Нью-Йорком. Он был единственным, кто знал код „Сильверфиш“. Мы называли его Счётчиком, потому что он постоянно что-то считал». Конец цитаты.

— «Счётчик», — задумчиво произнёс Романов. — Банкир, который считал деньги. В поезде с золотом. И он использовал код «Сильверфиш». Серебряная рыба.

— Или серебряный рыбак, — добавила Анна. — Но суть та же: Холлоран обеспечивал связь между Сибирью и Нью-Йорком. Он передавал финансовую информацию.

— И он умер за это.

Анна кивнула. Они стояли на берегу и смотрели на озеро, которое хранило свои тайны уже сто лет. Где-то там, на четырёхсотметровой глубине, лежал вагон с фальшивым золотом. А где-то в архивах Нью-Йорка лежали документы, которые могли объяснить, зачем американскому банкиру понадобилось умирать в сибирском поезде.

— Нужно ехать в Новосибирск, — сказал Романов. — Профессор Сигал ждёт нас завтра. И ещё — мне нужно изучить дневник твоего отца. Ты говорила, у тебя есть копии.

— Есть. Я принесу.

Они вылетели в Новосибирск дневным рейсом. В самолёте Анна достала из сумки потрёпанную папку и протянула Романову.

— Здесь всё, что я смогла сохранить. После исчезновения отца его архив был конфискован. Я успела сделать копии только некоторых документов. Серов забрал остальное.

Романов раскрыл папку. Внутри лежали десятки страниц — рукописные заметки, схемы, карты, фотографии старых телеграмм. Почерк Александра Томилина был нервным, размашистым, с наклоном влево — так пишут люди, которые постоянно спешат.

Первая страница была датирована мартом 2003 года.

«Сегодня я получил подтверждение. Документ, который мы нашли в Тобольске, — подлинный. Это часть так называемого „Протокола Х“ — секретного приложения к договору между правительством Колчака и группой иностранных кредиторов. Суть протокола: золотой запас используется не для оплаты оружия, а для финансирования некой „специальной операции“. Что это за операция — пока неясно. Но в документе упоминается Карское море и ледокол „Канада“.»

Романов перевернул страницу.

«5 апреля 2003 г. Серов сегодня был не в духе. Он требует ускорить поиски. Говорит, что время уходит. Что „они“ близки к разгадке. Кто — „они“? Серов не объясняет. Но я начинаю подозревать, что он работает не один. За ним стоят какие-то очень серьёзные люди.»

«12 апреля. Нашёл упоминание о Холлоране. Это был не просто связной. Он был криптографом. Он разработал систему шифров, которую использовали для передачи финансовых сообщений между Омском и Нью-Йорком. Ключ к шифру, судя по всему, находился у него лично. Если ключ не был найден, значит, сообщения до сих пор не расшифрованы.»

«20 апреля. Я боюсь. За мной следят. Сегодня заметил одного типа — он стоял у моего дома три часа. Потом исчез. Я сказал Серову, он отмахнулся. Говорит, паранойя. Но я знаю, что это не паранойя. Я слишком близко подобрался к правде. „Протокол Х“ — это не просто

финансовый документ. Это сделка, которая должна была изменить ход войны. И не только Гражданской.»

На этом записи обрывались. Романов пролистал оставшиеся страницы — там были только схемы и карты. Но на последнем листе, в самом низу, была приписка, сделанная явно второпях:

«Ключ в цифрах. Не в словах. Холлоран был математиком. Ищите числа.»

— «Ищите числа», — повторил Романов. — Что это значит?

— Не знаю, — сказала Анна. — Я пыталась расшифровать это много лет. Но отец не оставил мне ключа. Только эти записи.

Романов закрыл папку и задумался. Значит, Холлоран был не просто связистом. Он был криптографом, который разработал систему шифров для передачи финансовых сообщений. И ключ к этому шифру находился у него лично. Если тело Холлорана пролежало на дне Байкала сто лет, значит, ключ был утерян.

Но что, если ключ всё ещё там? В вагоне? Или в радиостанции?

— Анна, — сказал он медленно. — Радиостанция Холлорана. Ты её полностью осмотрела?

— Да. Мы разобрали её до последнего винтика. Ничего, кроме надписи «Протокол Х».

— А кодовые книги? Шифровальные блокноты? Таблицы?

— Ничего такого не было.

— Значит, он хранил ключ где-то ещё. — Романов постучал пальцами по подлокотнику. — Или... ключ был не материальным. Что, если ключом был сам Холлоран?

— Ты имеешь в виду — биометрический ключ?

— Или мнемонический. Он мог помнить код наизусть. Такое часто практиковалось в разведке — курьер не имел при себе никаких документов, только свою память. Если его убивали, код умирал вместе с ним.

— Но тогда мы никогда не расшифруем «Протокол Х».

— Возможно. — Романов посмотрел в иллюминатор на проплывающие под крылом сибирские просторы. — А возможно, Холлоран всё-таки оставил подсказку. И она ждёт нас в другом месте.

Профессор Сигал жил в старом доме на окраине Новосибирского Академгородка — пятиэтажке, построенной ещё в шестидесятых годах для научных сотрудников. Квартира на первом этаже была заставлена книгами от пола до потолка. Книги лежали повсюду — на сто-

лах, на стульях, на подоконниках. Среди этого бумажного хаоса, в кресле-качалке, сидел старик с абсолютно белыми глазами.

Профессор Исаак Сигал, один из крупнейших криптографов России, ослеп ещё в девятых — следствие неудачной операции. Но его мозг работал с точностью квантового компьютера. Он не видел мир глазами, он видел его через формулы, закономерности и логические связи.

— Анна, девочка моя, — произнёс он, услышав шаги. — Ты привела гостя. Я чувствую запах одеколона и слышу дыхание некурящего человека с небольшим искривлением носовой перегородки. Он занимался боксом?

Романов невольно улыбнулся.

— Занимался. В юности.

— Я так и знал. Присаживайтесь. Чаю?

— С удовольствием, — сказала Анна.

Она заварила чай на крохотной кухне, а Романов тем временем изложил профессору суть дела. Сигал слушал молча, слегка покачиваясь в кресле. Когда Романов закончил, старик долго молчал.

— «Протокол X», — произнёс он наконец. — Я слышал об этом. Это было одно из самых охраняемых секретных соглашений периода Гражданской войны. О нём знали не больше десяти человек во всём мире.

— Что это за соглашение? — спросил Романов.

— Финансовый инструмент. Экстраординарный финансовый инструмент. Понимаете, к ноябрю 1919 года Колчак уже понимал, что война проиграна. Золотой запас, который находился в его руках, был не только активом, но и бременем. Его нельзя было просто так вывезти — все порты контролировались либо красными, либо японцами, либо англичанами. И тогда была разработана схема.

— Какая схема?

— Конвертация. Золото должно было перестать быть золотом. Его нужно было превратить в нечто иное — в ценные бумаги, в технологии, в права на добычу ресурсов. Всё, что угодно, лишь бы оно не досталось большевикам в виде металла. «Протокол X» был именно таким соглашением. Но с кем — я не знаю.

— В документах упоминается ледокол «Канада», — сказала Анна.

— «Канада», — задумчиво повторил Сигал. — Это канадское судно, построенное в 1912 году. В 1918—1920 годах оно действительно курсировало в арктических водах, формально — как гидрографическое судно. Но я помню, что в одной из перехваченных телеграмм —

кажется, это было в архивах Колчака — упоминалось, что «Канада» перевозила некий «специальный груз» из устья Оби в порт Отару.

— Отару — это в Японии, — сказал Романов. — Порт на острове Хоккайдо.

— Совершенно верно. И это интересно, потому что именно через Отару Япония получала технологии и оборудование от своих западных союзников.

— Значит, золото могло уйти в Японию?

— Не просто золото. Судя по тому, что вы рассказали о связисте Холлоране, речь шла о гораздо более сложной операции. Американский банк, канадский ледокол, японский порт... Это международная финансовая сеть, замаскированная под военную операцию.

Сигал встал, подошёл к книжному шкафу и на ощупь нашёл какую-то папку.

— Я много лет собирал материалы по криптографическим системам, использовавшимся в Гражданскую войну. И однажды мне попала странная телеграмма. Она была зашифрована кодом, который я не смог взломать. Я отложил её на будущее, но так и не вернулся. Может быть, сейчас самое время.

Он протянул папку Романову.

— Телеграмма отправлена 15 ноября 1919 года со станции Обская в Омск. Три дня после того, как ваш эшелон исчез. Отправитель — некто «К-7». Получатель — «Директор».

Романов раскрыл папку. Внутри лежала ксерокопия старой телеграммы — ряд цифр, разбитых на группы по пять.

48291 55376 10928 66451 88203 44719 33015 77624 59187 20394

— Это не стандартный военный шифр, — сказал Сигал. — Я перепробовал все известные системы — от шифра Цезаря до алгоритма Виженера. Ничего не подходит. Но есть одна особенность.

— Какая?

— Посмотрите на первые цифры каждой группы. Четыре, пять, один, шесть, восемь, четыре, три, семь, пять, два.

Романов пробежал глазами по цифрам.

— Это просто случайная последовательность.

— Случайная? — Сигал усмехнулся. — В криптографии не бывает ничего случайного. Я проверил: если сложить первые цифры каждой группы с последними, получается константа. Всегда десять. Четыре плюс один — пять, но в первой группе последняя цифра — один, а должна быть шесть. Но если взять не последнюю, а вторую с конца...

Он замолчал, водя пальцем по невидимым цифрам.

— Это не шифр, — произнёс он вдруг. — Это банковский код.

— Что? — Анна подалась вперёд.

— Банковский код. В начале двадцатого века крупные банки использовали специальные числовые последовательности для идентификации транзакций. Это не сообщение. Это номер счёта и код подтверждения.

— Чей счёт? — спросил Романов.

— Этого я не знаю. Но могу сказать одно: структура кода соответствует формату, который использовался «Гаранти Траст Компани» в период с 1917 по 1922 год. Я сталкивался с похожими последовательностями, когда консультировал Интерпол по делу о пропавших активах царской семьи.

— Значит, телеграмма — это финансовый документ?

— Да. И скорее всего, он подтверждает перевод средств. Огромных средств.

Романов переглянулся с Анной. Всё сходилось. Холлоран был связующим звеном между Сибирью и Нью-Йорком. Он передавал банковские коды. И один из этих кодов, отправленный через три дня после исчезновения эшелона, подтверждал, что деньги — или золото — ушли куда-то ещё.

— Нужно расшифровать этот код, — сказал он. — И понять, куда ушли деньги.

— Это будет непросто, — предупредил Сигал. — Банковские архивы «Гаранти Траст» были уничтожены во время кризиса тридцатых годов. Но кое-что сохранилось. В Нью-Йорке, в библиотеке Колумбийского университета, есть архив банка. Если вы сможете получить к нему доступ, возможно, найдёте ответ.

— Нью-Йорк? — Анна покачала головой. — Это не так просто. У нас нет ни времени, ни ресурсов.

— Время у вас есть, — возразил Сигал. — А ресурсы... — Он повернулся к Романову. — У вас же есть старые связи в Интерполе, не так ли?

— Есть. Но они не всесильны.

— Тогда используйте то, что есть. Потому что если вы правы, и «Протокол Х» — это ключ к золоту Колчака, то вы не единственные, кто его ищет. И те, кто ищет, могут быть гораздо опаснее Серова.

Вечером они вернулись в гостиницу. Анна ушла к себе, а Романов остался в номере, разложив на столе все документы. Он перечитывал дневник Александра Томилина, смотрел на фотографии, изучал ксерокопии банковских документов.

Что-то не давало ему покоя.

Он снова взял телеграмму с кодом, которую дал Сигал. Десять групп по пять цифр. Если это банковский код, то он должен содержать определённую структуру: номер счёта, сумма, дата, код подтверждения.

Он начал раскладывать цифры по столбцам.

4	8	2	9	1
5	5	3	7	6
1	0	9	2	8
6	6	4	5	1
8	8	2	0	3
4	4	7	1	9
3	3	0	1	5
7	7	6	2	4
5	9	1	8	7
2	0	3	9	4

Что-то было не так. Он пригляделся. Третья цифра в каждой строке: 2, 3, 9, 4, 2, 7, 0, 6, 1, 3. Бессмыслица.

Но если это не случайная последовательность, то что?

Он перевернул лист и посмотрел на цифры с другой стороны. И вдруг заметил то, что упустил Сигал. Первая и последняя цифры каждой группы в сумме действительно давали константу — но не десять.

4	+	1	=	5
5	+	6	=	11
1	+	8	=	9
6	+	1	=	7
8	+	3	=	11
4	+	9	=	13
3	+	5	=	8
7	+	4	=	11
5	+	7	=	12
2	+	4	=	6

Суммы были разными. Но если сложить их все вместе... $5 + 11 + 9 + 7 + 11 + 13 + 8 + 11 + 12 + 6 = 93$.

Девяносто три. Что это могло значить?

Он вспомнил запись в дневнике Томилина: «Ключ в цифрах. Не в словах. Холлоран был математиком. Ищите числа».

Девяносто три. Может быть, это координаты? Или номер документа? Или...

Его осенило. 93 — это атомный номер нептуния. Но в 1919 году о нептунии не знали. Тогда что?

Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Где-то в глубине сознания крутилась мысль, которую он никак не мог ухватить. Цифры. Банковский код. Девяносто три. Это должно что-то значить.

Внезапно он открыл глаза и схватил дневник Томилина. Пролистал до последней страницы, где были какие-то схемы. Одна из них привлекла его внимание. Это была карта Сибири, на которой были отмечены несколько точек. Омск. Тайга. Томск. Обская губа. И стрелка, ведущая куда-то на север.

И на полях — число 93.

— Девяносто три, — прошептал он. — Это не код. Это номер.

Он перевернул страницу. Там была ещё одна схема, на этот раз — план какого-то судна. И подпись: «Л/к „Канада“. Грузовой отсек №93».

— Грузовой отсек номер девяносто три, — произнёс он вслух. — Вот что означают цифры. Это не шифровка. Это накладная.

Он схватил телефон и набрал номер Анны.

— Анна, ты не спишь?

— Нет. Что случилось?

— Кажется, я кое-что нашёл. Цифры в телеграмме — это не код. Это номер грузового отсека. Девяносто три. На ледоколе «Канада» был грузовой отсек номер девяносто три. И именно туда, судя по всему, было погружено золото.

В трубке повисла тишина.

— Но как ты это понял?

— Твой отец оставил подсказку. В своих схемах. Он нарисовал план «Канады» и подписал номер отсека. Он знал.

— Знал, — эхом отозвалась Анна. — И поэтому он исчез.

— Да. И поэтому мы должны быть осторожны. Завтра мы возвращаемся на Байкал. Нужно ещё раз осмотреть радиостанцию Холлорана. Возможно, там есть что-то ещё, что мы пропустили.

На следующий день они вылетели обратно в Иркутск. Серов ждал их в штабном вагончике. Он выглядел мрачным.

— Есть новости, — сказал он, едва они переступили порог. — Плохие.

— Какие? — спросил Романов.

— Сегодня ночью кто-то проник в лабораторию. Сигнализация была отключена, камеры выведены из строя. Всё указывает на профессиональную работу.

— Что-нибудь пропало?

— Нет. Но кто-то тщательно обыскал все ящики и столы. Я думаю, они искали что-то конкретное.

Романов переглянулся с Анной.

— Радиостанцию, — сказала она. — Они искали радиостанцию Холлорана.

— Но радиостанция у нас, — сказал Серов. — Она в сейфе.

— Значит, они этого не знали. Или искали что-то другое.

Романов подошёл к столу и взял в руки свинцовую чушку с британским клеймом.

— Нужно ещё раз осмотреть радиостанцию. Прямо сейчас.

Они спустились в подвал, где в металлическом шкафу хранились находки с погружения. Анна открыла сейф и достала аппарат Холлорана. Он выглядел так же, как и вчера — громоздкий ящик с катушками и лампами. Но что-то было не так.

— Посмотрите, — сказал Романов, указывая на одну из катушек. — Провод смотан неравномерно. Как будто его кто-то перематывал.

— Мы не перематывали, — сказала Анна. — Мы вообще не трогали катушки.

Романов наклонился и осмотрел катушку. Провод был старым, с потрескавшейся изоляцией. Но на одном из витков он заметил крошечную царапину — свежую, блестящую на фоне окислившейся меди.

— Кто-то сматывал провод, — сказал он. — Совсем недавно.

Он осторожно начал разматывать катушку. Провод поддавался с трудом — за сто лет изоляция прикипела к металлу. Но постепенно, виток за витком, он освобождался.

И вдруг Романов заметил кое-что необычное. Внутри катушки, под слоем провода, что-то белело. Он раздвинул витки и извлёк сложенный лист бумаги.

— Что это? — спросил Серов.

— Тайник. Холлоран спрятал что-то внутри катушки.

Он осторожно развернул бумагу. Она была тонкой, почти прозрачной, исписанной мелким убористым почерком. Но не буквами — цифрами.

— Ещё один код, — сказал Романов. — Но на этот раз, кажется, у нас есть ключ.

— Какой ключ? — спросила Анна.

— Номер девяносто три. — Он достал из кармана ксерокопию телеграммы, полученной от Сигала. — Смотрите. В телеграмме десять групп цифр. И здесь, на листе, десять строк. Если наложить их друг на друга...

Он начал сопоставлять цифры. Телеграмма: 48291 55376 10928... Лист из тайника: 73942 80153 46721...

— Это не сложение, — пробормотал он. — Это вычитание.

Он вычитал цифры телеграммы из цифр тайника. И начали проступать новые числа. А новые числа, если перевести их в буквы по стандартной таблице шифрования, использовавшейся в «Гаранти Траст», складывались в слова.

733 591... 7-3-3 = G, 5-9-1 = O,...

— G... O... L... — прошептал он. — D... Золото. — Он поднял взгляд на Анну и Серова. — Здесь написано: «Золото на север».

— На север, — повторил Серов. — Но куда именно?

— Этого здесь нет. Только эта фраза. Остальное, видимо, было в других катушках. Но их здесь нет.

— Значит, кто-то уже нашёл их, — сказала Анна. — Тот, кто обыскивал лабораторию. И теперь он знает то, чего не знаем мы.

Романов смотрел на листок с цифрами. Всё это время он думал о человеке, который сто лет назад сидел в холодном вагоне и прятал свой секрет в катушку радиостанции. Холлоран знал, что умрёт. И он оставил послание. Но не для своих современников. Для тех, кто придёт через сто лет.

Для них.

— Мы найдём остальное, — сказал он. — Но сначала нам нужно понять, что именно искал Холлоран. И почему он умер.

Он сложил листок и убрал его в карман.

— Завтра мы возвращаемся к вагону. Там должно быть что-то ещё. Что-то, что мы пропустили.

Ночью Романов долго не мог уснуть. Он лежал в темноте и смотрел в потолок, по которому пробегали отблески байкальской луны.

Слишком много вопросов. Слишком много игроков.

Серов искал что-то конкретное. Что-то, связанное с «Протоколом Х». Но что? Если верить дневнику Томилина, это была не просто финансовая операция. Это была сделка, которая должна была изменить ход войны. Какая сделка?

И кто такой «Счётчик»? Тот, кто убирает свидетелей? Тот, кто охотится за ними?

Он вспомнил слова Анны о её отце: «Он знал, что за ним следят. Он говорил о каком-то человеке, которого называл Счетоводом».

Счетовод. Тот, кто ведёт счёт. Тот, кто считает деньги. Или жизни.

Он закрыл глаза. Завтра будет новый день. Новые ответы. И новые опасности.

Где-то на дне Байкала лежал разорванный вагон, мёртвый американец, и свинцовые чушки с британским клеймом. И всё это было похоже на начало большого пути.

Пути, который вёл на север. К Карскому морю. К ледоколу «Канада». И к тайне, которая ждала своего часа сто лет.

Глава 4. Протокол X

Байкал — Иркутск — Москва

На следующее утро Романов проснулся с твёрдым намерением докопаться до сути. Фраза «Золото на север», расшифрованная из тайника Холлорана, не давала покоя. Север — понятие растяжимое. Сибирь велика, и в ноябре 1919 года у белых оставалось не так много вариантов для манёвра. Если эшелон действительно ушёл не к Байкалу, а куда-то ещё, то маршрут должен был быть ограничен железнодорожной сетью, а дальше — водными путями.

Он достал карту, которую дала Анна, и начал изучать её с карандашом в руках. От станции Тайга отходила ветка на север — через Томск, Нарым и дальше, к низовьям Оби. В ноябре река уже замёрзла, но в 1919 году, согласно метеосводкам, ледостав задержался. Значит, суда ещё могли ходить. А если так, то груз можно было доставить к Обской губе, а оттуда — в Карское море.

Карское море. Ледокол «Канада».

Он обвёл кружком точку на карте. Всё сходилось. Но что именно везли? Если верить найденной записи, это было золото. Но золото Колчака — это сотни тонн. Целый поезд не мог просто исчезнуть. Значит, речь шла о части запаса. О самой важной его части.

Телефон зазвонил, когда он наливал вторую чашку чая. Номер был московским — старый друг из Интерпола, Елена Ковальчук. Он звонил ей два дня назад с просьбой проверить кое-что по закрытым каналам.

— Алло, Лена.

— Привет, Лёша. Я получила ответ по твоему запросу. Ты просил поднять всё, что есть по «Протоколу X». Это оказалось сложнее, чем я думала.

— Почему?

— Потому что файл засекречен. Причём засекречен не нами. Гриф стоит от британской разведки МИ-6, датирован 1921 годом. Но у меня есть знакомая в Лионе, которая имеет доступ к архивам Лиги Наций. Она смогла найти кое-что. Я скину тебе на почту.

— Спасибо. Что там?

— Я сама не до конца поняла. Это копия меморандума, составленного неким Чарльзом Элиотом, британским верховным комиссаром в Сибири. Документ озаглавлен «Касательно операции „Архивариус“». И в нём упоминается «Протокол X» как часть этой операции.

— Операция «Архивариус»? Никогда не слышал.

— Я тоже. Но судя по контексту, это была совместная операция британской и американской разведок по вывозу неких ценностей с территории, контролируемой Колчаком. И вот что интересно: в меморандуме говорится не о золоте. Там используется термин «культурные активы».

Романов замер.

— Культурные активы?

— Да. Я прочитала дважды, чтобы убедиться. Речь идёт о музейных коллекциях, церковной утвари, иконах, архивных документах. Золото упоминается только вскользь, как «средство платежа за транспортировку».

— Значит, «Протокол X» — это не про золото?

— Похоже, что так. Но это ещё не всё. В конце меморандума есть приписка: «См. приложение 342/19 — опись груза». Я попыталась найти это приложение, но его нет в архивах. Кто-то изъял его. Возможно, твой Серов.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что я проверила его биографию более тщательно. Виктор Петрович Серов, генерал-майор ФСБ в отставке. В двухтысячных курировал отдел по борьбе с контрабандой культурных ценностей. Имел доступ к архивам. Уволился в 2010 году после какого-то внутреннего скандала. Подробностей я не нашла, но ходят слухи, что он пытался продать партию старинных икон, изъятых у контрабандистов.

— Он коллекционер?

— Хуже. Он торговец. Но не простой. Его интересуют не просто ценности, а предметы, связанные с определёнными историческими событиями. Особенно — с историей Белого движения. Говорят, у него в особняке целый музей.

Романов прислонился к стене. Всё вставало на свои места. Серову нужно не золото. Ему нужны артефакты, которые были вывезены вместе с золотом. «Культурные активы». Иконы, музейные экспонаты, архивные документы. И среди них — что-то конкретное. Что-то, ради чего он готов убивать.

— Лена, мне нужно, чтобы ты нашла всё, что можно, о приложении 342/19. Это опись груза. Если Серов ищет что-то конкретное, я должен знать, что именно.

— Я попробую. Но это займёт время. Будь осторожен, Лёша. Если Серов — тот, о ком я думаю, он опасен.

— Я знаю

Он повесил трубку и тут же набрал Анну.

— Анна, ты где?

— В лаборатории. Изучаю радиостанцию. А что?

— Ничего не трогай. Я сейчас приду.

В лабораторном вагончике пахло озоном и старым металлом. Анна сидела за столом, разложив перед собой детали радиостанции. Она подняла голову, когда Романов вошёл.

— Ты выглядишь так, будто увидел призрака.

— Хуже. Я увидел схему. Слушай внимательно. — Он пересказал ей разговор с Леной. Анна слушала молча, и по мере его рассказа её лицо становилось всё более напряжённым.

— Значит, мой отец искал не золото, — произнесла она, когда он закончил. — Он искал что-то другое. Что-то, связанное с этими «культурными активами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.